

DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-3-321-333

Научная статья

Долганское приглашение в тундру: художественный мир Огдо Аксёновой

А.А. Арзамазов

Удмуртский федеральный исследовательский центр
Уральского отделения Российской академии наук
Российская Федерация, 426004, Ижевск, ул. Ломоносова, 4

Основная цель статьи — проанализировать поэтические тексты Огдо Аксёновой, единственного представителя долганской национальной литературной традиции. Устанавливаются основные темы, ключевые мотивы и символы ее художественного мира (изображение северного ландшафта, образ тундры, стихотворные вариации на тему времен года и т.д.), анализируется этнокультурное своеобразие поэтического дискурса (языковые уровни выразительности, предметно-бытовые реалии долганской культуры). Особое внимание уделено жанру песни, имеющему фольклорно-мифологические корни. Дается оценка качеству художественного перевода текстов долганской поэтессы на русский язык. Творчество О. Аксёновой представляет большой исследовательский интерес с точки зрения выявления специфических механизмов становления и развития «миноритарной» литературы.

Ключевые слова: национальная литература, долганская поэзия, художественный перевод, образная система, этнокультурное своеобразие, язык, жанр

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 13.04.2020

Дата принятия к печати: 27.06.2020

Модератор: О.А. Валикова

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Арзамазов А.А. Долганское приглашение в тундру: художественный мир Огдо Аксёновой // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 3. С. 321–333. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-3-321-333

© Арзамазов А.А., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Dolgan Invitation to the Tundra: the Artistic World of Ogdo Aksenova

A.A. Arzamazov

Udmurt Institute of History, Language and Literature.
Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
4, Lomonosova Str., Izhevsk, 426004, Russian Federation

The main purpose of the article is to analyze the poetic texts of Ogdo Aksenova, who is sole representative of the Dolgan national literary tradition. The main themes, key motives and symbols of her artistic world (the image of the northern landscape, the image of the tundra, poetic variations on the theme of the seasons, etc.) are established, the ethnocultural originality of the poetic discourse (linguistic levels of expressiveness, realities of Dolgan culture) is analyzed. Special attention is paid to the genre of the song, which has folklore and mythological roots. It is emphasized that in separate collections and works the boundaries between the author's and folklore are blurred. The article assesses the quality of the literary translation of the texts of the Dolgan poetess into Russian. The work of O. Aksenova is of great research interest from the point of view of identifying specific mechanisms of the formation and development of “minority” literature.

Key words: national literature, Dolgan poetry, literary translation, figurative system, ethnocultural originality, language, genre

Article history:

Received: 13.04.2020

Accepted: 27.06.2020

Moderator: O.A. Valikova

Conflict of interests: none

For citation:

Arzamazov, A.A. 2020. “Dolgan Invitation to the Tundra: the Artistic World of Ogdo Aksenova”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 17 (3), 321—333. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-3-321-333

Введение

Среди литератур народов Крайнего Севера и Дальнего Востока есть такие, в истории которых был только один писатель. Это интересная и сложная культурная ситуация, требующая научно-исследовательского рассмотрения. В одних случаях после смерти основоположника национальной словесности, к тому же являющегося одним из последних полноценных носителей языка, художественная традиция обрывается. У исчезающего этноса не остается ресурсов для самовосстановления, энергии продолжения. В других — после ухода из жизни единственного национального писателя — спустя годы молчания литература еще вполне

может «ожить», перейти на новый уровень развития. На наш взгляд, к таким временно «молчащим» литературам может относиться и долганская. Численность долган (чуть больше 6 тысяч человек) дает основание полагать, что у народа есть еще внутренние резервы для поступательного движения, появления новых авторов, пишущих по-долгански. Вместе с тем возникает закономерный вопрос о языковой картине возможного будущего долганской словесности. Смогут ли писатели молодого поколения творить на диалектно раздробленном языке, очень похожем на крупный, «активный» язык региона — якутский? Вероятен сценарий перехода авторов-этнофоров на русский при общем сохранении стратегии художественного воспроизведения этнической составляющей.

Долганы — один из наиболее молодых народов России, формирование которого продолжается до сих пор. Начало этногенеза датируется XVIII—XX веками. В состав долган вошли этнические группы эвенков, якутов, эвен, нганасан, русских. Места проживания долганского этноса — Таймыр, Республика Саха (Якутия), Красноярский край. В основе долганского мировоззрения — шаманизм, глубинные связи с природой. Сложность этнического происхождения долган, включающего в себя целую палитру этносов, по-видимому, не могла не отразиться, не получить — пусть и неявное — проявление в системе национальной культуры, ментальности литературы. Вероятно, каждый из участвовавших в этногенезе долган народов, групп в той или иной степени привнес что-то свое, свой опыт мирочувствования.

Родоначальник долганской литературы, ее единоличный представитель — Огдо Аксёнова (Евдокия Егоровна Аксёнова, 1936—1995) — за относительно короткую жизнь сумела создать гуманитарную реальность своего народа: она разработала основы письменности, написала учебники для школы, составила словари, собрала, подготовила к изданию образцы фольклора, начала формировать литературный язык долган, на котором возможно полноценное художественное самовыражение. На протяжении трех десятилетий друг за другом выходят книги для детей и взрослых.

Художественный мир Огдо Аксёновой рассматривается нами в контексте теоретико-методологических изысканий, обращенных к национальным литературам народов России [1—9]. Материалом исследования послужили стихотворения Аксёновой, вошедшие в поэтические сборники «Бараксан» (1973) и «Признание в любви» (1996). В статье используются описательный, биографический, структурно-семантический, мифопоэтический методы.

Обсуждение

Первая книга Огдо Аксёновой «Бараксан» включает в себя и стихи на долганском языке, и переводы на русский. Оригинал и перевод следуют друг за другом, что создает ощущение единства художественного пространства и при этом дает возможность сопоставить исходное произведение и русскоязычное переложение. Следует подчеркнуть, что Аксёновой повезло с переводчиками, среди которых были литераторы, говорившие по-долгански. Они, как правило, с вниманием относились как к структурно-композиционным параметрам, так и к содержа-

тельно-выразительному плану стихотворений. Переводчики в данном случае обычно не увеличивали объемы переводимых текстов, существенно не вторгались со своими поэтическими «инициативами» в их образную, понятийную материю. В сборник «Бараксан» вошли образцы долганского фольклора — загадки, приметы, пословицы, поговорки. Такое совмещение семиотических систем может показаться символическим: размываются границы между индивидуально-авторским и коллективным народным творчеством.

В художественном мире Огдо Аксёновой преобладают стихи о севере, его природе. В основе этих текстов — своеобразная риторика приглашения. Автор стремится представить свой суровый родной край в наилучшем свете, отобразить его экзотическую красоту, показать трудолюбие, открытость, гостеприимство людей. Ключевым топосом становится тундра, которая у Аксёновой проявляется почти в каждом стихотворении. В произведениях долганской поэтессы тундра — это живая стихия, с которой непременно нужно встретиться, соприкоснуться. Такие презентационные, «пригласительные», «вербующие» тексты обращены к конкретным лицам — читателям, друзьям, будущим гостям:

Приезжайте в тундру к нам,
К белым тающим снегам...
Тундра щедро вас напоит
Стылой талою водой.
Тундрой вас вода наполнит,
Легкой силой молодой...
Приезжайте в тундру к нам...

[10. С. 24]

(перевод Леонида Яхнина)

Тундра обычно изображается как пространство движения. Несмотря на жесткий холод, жизнь в ней никогда не замирает. Еще один важный локус в поэзии Огдо Аксёновой — полуостров Таймыр, символизирующий этнокультурные истоки долган:

Таймырские снега,
Мой север — бараксан.
Просторно, высоко
И сердцу и глазам.
Еще и оттого
Душа моя поет,
Что древние хранит
Обычаи народ...

[10. С. 80]

(перевод Александра Зорина)

Рассматривая геопоэтику Огдо Аксёновой, конструируемые в ее поэтическом мире северные ландшафты, нельзя не подчеркнуть широту расселения долган — их ареал проживания простирается от Таймыра до Восточной Якутии, от Северного Ледовитого океана, от тундры до тайги. Живущие на культурно-генетических

«ветрах» долганы открыты миру, другим народам, языкам. Это важная онтологическая черта их мировоззрения, ментального взаимодействия с внешним миром.

Наиболее репрезентативный образно-тематический блок в поэзии Огдо Аксёновой — времена года. Противопоставление зимы/лета, весны/осени, холода/тепла, ярких красок/цветового однообразия представлено в творчестве многих авторов, поэтизирующих миры Севера. С одной стороны, это универсальный образно-символический язык, сложившийся комплекс изобразительных пластических характеристик, позволяющих поэту отображать внешние контрасты природы и внутренние экзистенциальные конфронтации лирических субъектов. С другой — семиоэстетическое восприятие сочетаний/оппозиций времен года часто отличается национальной спецификой, речь может идти о выявлении этнокультурных механизмов поэтической рефлексии, традиций описания различных природных состояний, отрезков времени.

В рассматриваемых книгах Огдо Аксёновой «Бараксан» и «Признание в любви» преобладают стихи о весне («Дудинка» [10. С. 76]; «Ручьи и капли» [10. С. 94]; «Новые приметы» [10. С. 97]; «Все рады солнцу» [10. С. 98] и др.), которая в жизни северного народа имеет сакральное значение, становится долгожданным событием. «Весенние» тексты характеризуются наличием устойчивых авторских установок, мотивов, образов. Они пронизаны радостными эмоциями, в них ярко выражено созерцательное начало, доминируют описательные стратегии, фигурируют мотивы отступления зимы, оживания тундры, привлечены цветочные эпитеты. Примечательно, что лирическая манифестация весны у Аксёновой лишена каких-либо явных мифологических контекстов, обходится без «ритуальной оптики». На первом плане — визуальные изменения, внешние проявления.

Стихотворения об осени («Осенний день», «Осень» [10. С. 19, 86]) эмоционально неоднородны. Осенняя панорама Огдо Аксёновой — облака, дожди, пасмурное небо, высокая концентрация желтого цвета. Лирическая героиня пребывает в ожидании больших холодов. При этом осень обостряет восприятие мира, дает возможность прочувствовать драматизм ускользающего тепла. Осенние метаморфозы в стихах Аксёновой соотносятся с отдельными физиологическими процессами, выражаются при помощи телесной символики:

С плоской груди
Соскребают тепло.
Дышит грудь тяжело.
Все труднее дышать.
Не под силу, видать,
Земному теплу
Облака растолкать...

[10. С. 86]

(перевод Александра Зорина)

Наступление зимы может художественно преподноситься в повседневно-бытовом ключе. К ее приходу необходимо тщательно готовиться, ее приближение требует от жителя тундры внешнего и внутреннего переустройства. Этот бытовой

вектор предзимнего ожидания, в действительности становящегося экзистенциальным событием, обыгрывается в стихотворении «Зима наступает»:

Дни светоносные, большие
промчались...
Чум тундровики
меняют на передвижные
и утепленные балки.
С последним солнышком
хозяйки,
боясь минуту упустить,
весь гардероб свой — без утайки —
спешат проветрить, просушить.
Изнанкой вывернуты вещи,
подобно пестрому ковру
лежат...
Как юкола, трепещет
привязанная на ветру
сухая обувь.
Тучи хмуры,
полны грядущей темноты.
От инеев осенних шкуры
разбухли.
Греют животы
на бледном солнышке.
Иная
пора нам скоро предстоит.
И первый снег на все, сверкая,
с недоумением глядит.

[10. С. 73]

(перевод Александра Зорина)

Художественное восприятие лета нельзя назвать однозначным. Оно обжигающее, короткое, ослепляющее и внезапно исчезающее. Посвященных ему текстов у Огдо Аксёновой немного. У ее лета нет своей развернутой панорамы, своей полной картины реальности. Оно состоит из фрагментов, «отрывков» ощущений, переживаний. Лето в тундре — испытание для животных и людей:

Горло старой гагары
хрипело в жару
беспощадного лета...

[10. С. 102]

(перевод Александра Зорина)

Многие стихотворения Огдо Аксёновой о временах года напоминают детские стихи. В них почти нет сложно-противоречивой действительности мира взрослых, отсутствует фон экзистенциальных потрясений, обид, разочарования. Природа

в представлении долганской поэтессы — космос совершенно другого порядка, более высокого устройства, далекий от человеческих страстей.

Огдо Аксёнова в своих стихотворениях оперирует большим количеством культурно кодифицированных долганских лексем, реалий материальной и духовной культуры. Это очевидно ожидаемая художественная программа, позволяющая автору максимально детально, достоверно представить картину жизни долган. Подобные «затемненные» дефиниции становятся индексами идентификации, сигналами «своего». Многие из них не совпадают с якутскими эквивалентами, де-факто повышая степень лингвотерминологической самостоятельности создаваемых литературных норм долганского языка. Для Огдо Аксёновой поиск и последующая поэтизация долганских корней, категорий были магистральными задачами. Формирование литературных основ требовало от поэта особой языковой концентрации и селекции, определения тонкого слоя и утверждения хрупкой платформы отличий. Эта сложная научно-творческая работа Аксёновой для основной части читательской аудитории остается незамеченной. Однако отдельные элементы, эпизоды осуществленной лексико-понятийной фильтрации угадываются и воспроизводятся переводчиками на русский язык. Почти каждое стихотворение Огдо Аксёновой в переводах включает в себя долганские лексемы, которые семантически нередко перекликаются друг с другом, образуют самостоятельную концептосферу, уровни этнокультурной содержательности. Стратегия переводчика, нацеленная на сохранение долганских концептов, с точки зрения художественно-эстетических параметров полностью оправдывает себя. Представленный по-русски текст в значительной степени находится в поле национальной образно-символической изобразительности.

Примечательно, что воспроизводимые в переводах стихотворений долганские лексемы преимущественно относятся к материальному миру, сфере предметности. Этот факт указывает на важную черту творчества поэтессы: бытовая повседневность, окружающие этнофора вещи — не просто атрибуты, удобные и нетрудные для изображения сюжеты, факты действительности, а особое этноаксиологическое измерение бытия, одна из основ национального мироздания долган.

Значимый тематический аспект творчества Огдо Аксёновой — судьба родного языка, связанного с ним континуума «своего». В стихотворениях долганской поэтессы приоткрываются некоторые этнопсихологические нюансы восприятия мира носителями миноритарных языков. С одной стороны, пространство (языковое, культурное) чужих все чаще становится для них объективной системой координат, которую нужно уметь принимать, с которой следует смириться; с другой — внутреннее сохранение родного языка — условие духовного равновесия, своеобразный защитный фильтр, ключ к себе. Однако перечисленное — реалии бытия взрослого рефлексизирующего человека. Дети же чувствуют эти невидимые границы иначе, у них другие оттенки их восприятия. В стихотворении «Игра» Огдо Аксёнова преподносит читателю внутренние ощущения, ассоциации долганского ребенка, вынужденного жить в большом и чужом мире города. В сознании маленького этнофора еще не сложились четкие категории дифференциации, он живет эмоциями. Родной язык для него — одна из ключевых эмоциональных

составляющих малой родины, своего дома, семьи. Примечательно, что в тексте язык переключается с топографическими символами (океан, поселок, отчий дом):

В городе очень скучает Уйбачи,
Он вспоминает поселок рыбачий,
Лед океанский
И говор долганский...
Горкою корки от апельсина,
Рыжая лодка по скатерти скачет,
И улыбается мальчик Уйбачи,
Будто бы видит свой дом вдалеке
И говорит на родном языке...

[10. С. 62]

(перевод Александра Зорина)

Знаковость родного языка проявляется и в любовной лирике Огдо Аксёновой. Полное взаимопонимание влюбленных может достигаться только на родном языке. Интересно, что гармоничная любовь в художественном мире долганского автора возможна только с соплеменником. Сопряженность со «своим» становится гарантией подлинности, «проверенности» чувства, признаком искренности и надежности:

Солнце ясное гладит нас
Теплой рукой.
Твое сердце наполнено
Жаркой тоской.
На родном языке говори...
Быстро мчится река —
Воду не унесет,
Так и ветер
Слова наши
Не украдет.
На родном языке говори...

[10. С. 22]

(перевод Леонида Яхнина)

Отношение к родному языку у представителей «больших» народов и малочисленных этносов, по всей видимости, разное. В первом случае у этнофора зачастую нет глубинной духовно-эмоциональной соотнесенности с родным языком, он не чувствует ответственности перед ним, не задумывается о его будущем; во втором — лингвофор, напротив, находится на ином уровне языкового самоощущения. Язык для него — основа идентичности, ключевой культурный маркер. Он живет, творит в ожидании его скорого исчезновения, отсюда — драматические и экспрессивные интонации, «громкий» дискурс языковой тревоги, категоричность разделения мест, людей на своих и чужих.

Выделяющиеся на фоне других произведений «этнографические» тексты Огдо Аксёновой знакомят с укладом жизни долган. В таких стихах много бытовых подробностей, иллюстрирующих отдельные стороны материальной культуры наро-

да. В стихотворении «Чай оленевода» фигурирует загадочный кирпичный чай с белой солью, приготавливающийся при помощи веток тундровых берез и требующий к себе большого внимания, соблюдения важной последовательности:

Женщина из наших мест
В своем деле знает толк.
Ветки тундровых берез
Соберет — готов костер.

Самым первым на костре,
Лихо крышку приподняв,
Побежит кирпичный чай,
Да не пустит урибин...
Вкусен с белой солью чай...

[11. С. 46]

(перевод Валерия Кравца)

Мир малых бытовых радостей отражен в произведении «Что такое чум». Подчеркивается, что конструкция, устройство чума чрезвычайно простые («Связали шест с другим шестом, / Покрыв оленьей шкурой. / И вот готов долганский дом» [10. С. 11]). Внутренняя жизнь долганского чума — уют, спокойствие, тепло, сказки бабушки Кычи, ожидание возвращения мужчин с охоты.

У Огдо Аксёновой есть стихи, репрезентирующие ментальные черты долганского этноса. Речь в первую очередь идет о художественном освещении положительных качеств. В тексте «Обычай моих земляков» приводятся такие национально-ментальные характеристики, как миролюбие, толерантность, отзывчивость, гостеприимство:

Мы, долганы, спокойный народ.
Мы ненавидим войну и вражду.
Сомневаетесь?
Приезжайте к нам.
Увидите, как на промерзшей земле
юного солнца встречаем восход.
Точно так же встречаем гостей.
В каждом приезже — солнечный луч.

[10. С. 78]

(перевод Александра Зорина)

Одно из поэтически приводимых табу, — запрет на кровопролитие:

Помню — чуть больше наперстка была —
порезала палец, брызнула кровь.
Сказала мне бабушка: «Не пролей
ни капли крови на землю... Смотри,
тундры миролюбивая дочь,
чтобы людская кровь не лилась...»

[10. С. 78]

(перевод Александра Зорина)

Обособленную жанровую группу в творчестве Огдо Аксёновой составляют так называемые песни. Особое отношение к данному жанру характерно для многих национальных поэтов, представляющих северные литературы. Песни, как правило, собираются в циклы, конструируют автономное измерение книг. (Подобный принцип организации художественного пространства, например, обнаруживается у ненца Юрия Вэллы.) Структурно такие песни часто отличаются от произведений, считающихся песнями в русской культуре. Им присуще более сложное ритмическое устройство, в переложении на русский они могут приобретать черты верлибра. Песни в поэтическом наследии Аксёновой имеют синтетическую природу, это перекрестье разных семиотических срезов, культурных и стилевых пластов. На уровне отдельных образных элементов, семантических контекстов они демонстрируют свою соотнесенность с долганским фольклором, принятыми в национальной культуре этнопоэтическими традициями. И вместе с тем очевидно фронтальное влияние соцреализма, «неравнодушного» к песенным формам и нацеленного на героизацию персонажей.

Песни Огдо Аксёновой при переводе на русский приобретают достаточно гладкую рифмовку. В долганском оригинале рифмы имеют более сложную, подчас — имплицитную природу. Переводчики, отталкиваясь от специфики заявленного жанра, нередко упрощают рифмовую конструкцию исходного текста:

Каранга кыһын каллааныгар
Табам тына тырылаата
хэй, хэй; хэй-хэй!

Чоокур, чоокур чыкыныыллар
Табаларым туньактара
хэй, хэй; хэй-хэй!

[11. С. 71]

К низкому небу на зимней заре
Тянется пар из оленьих ноздрей.
Хэй, хэй, хэй-хэй!

Четко копыта по насту звенят,
Мчат, как на крыльях, олени меня.
Хэй, хэй, хэй-хэй!

[11. С. 70]

(перевод Валерия Кравца)

Один из ярких образцов жанра песни в творчестве О. Аксёновой — текст «Песня охотника» [10. С. 51], в которой главенствуют соцреалистические символы, просматривается мотив восхваления родной земли. Мифологического содержания, элементов этнической кодификации в данном идеологически окрашенном произведении не обнаруживается. Следует заметить, что эта песня относится к раннему периоду творчества долганской поэтессы. Любовные песни, в основе которых — репрезентация женского Я, отличаются наивностью, эмоциональной

простотой. Ясность чувства, призыва, прозрачность желания, ожидания — на поверхности многих подобных текстов:

Ты охотник самый ловкий,
Ты милее всех парней...
Сердце девичье не льдинка,
Коля, Коля, Николай...

Лишь приду домой с работы —
От печали сердце плачет...
Каждый вечер возле дома
Жду тебя я, Николай...

[10. С. 57]

(перевод Валерия Кравца)

Одна из излюбленных песенных вариаций Огдо Аксёновой — колыбельная. Ее образная система, ритмическая структура восходят к фольклорным текстам, мифологическим представлениям долган. Анализируемые авторские колыбельные — монолог женщины, матери, обращенный к своему сыну. Декларируемый пол ребенка не случаен. Для традиционного долганского общества характерно разное отношение к рождению сына и дочери. Появление наследника воспринималось как большое счастье и расценивалось как божественный знак того, что жизнь рода не прервется. В рассматриваемых текстах отражена заклинательная функция, «программируется» судьба ребенка — мать «наговаривает» сценарий его будущего:

Тень колыбели скользит по стене.
Ночь охраняет твой сон голубиный.
Растешь ты, дитя мое, даже во сне.
Вырастешь — станешь мужчиной...

Ты на оленя садишься верхом,
Мчишься, как вихрь, снежной долиной.
Всех обгоняешь, парень, легко.
Вырастешь — станешь мужчиной...

[10. С. 12]

(перевод Леонида Яхнина)

Баю-бай, баю-бай,
Спи, малыш мой, засыпай...
Вырастай ты в молодца,
Стань похожим на отца...
Скоро твой наступит срок
За оленем мчать, сынок...

[10. С. 61]

(перевод Валерия Кравца)

Заключение

Поэтические тексты Огдо Аксёновой отличаются высоким художественным качеством. Поэтесса быстро ушла от соцреалистических стратегий письма, сделала основной акцент на проверенных лирических темах и хорошо знакомых образах. Применительно к творчеству Аксёновой речь может идти о поэтическом насыщении долганского языка, выстраивании его системы образно-символических компонентов, развитии внутреннего синтаксиса, расширении диапазона лирических ситуаций. В художественном мире Огдо Аксёновой представлен совершенно особый тип человека, этнофора, живущего, познающего себя и других в экстремальных природных обстоятельствах, климатических условиях. В некотором роде эти люди, литературы Крайнего Севера олицетворяют форпост мировой цивилизации, ими выработана уникальная система адаптации к сложнейшим внешним реалиям. Нельзя не сожалеть о том, что стихотворения Аксёновой забыты, ее творческое наследие почти не исследовалось, не переводилось на иностранные языки. В этом большая трагедия многих национальных писателей.

Список литературы

1. *Аmineva B.P.* Сопоставительное изучение русской и татарской литератур. Казань: Школа, 2017.
2. *Жулева А.С.* Этнологический аспект в исследованиях литератур народов Севера // Вопросы изучения истории национальных литератур. Теория. Методология. Современные аспекты. М.: ИМЛИ РАН, 2014.
3. *Жулева А.С.* Трансцендентное в романах Юрия Рытхэу // Вопросы изучения национальных литератур. Дискурс идентичности в меняющихся контекстах. М.: ИМЛИ РАН, 2017.
4. *Зейферт Е.И.* Жанровые процессы в поэзии российских немцев второй половины XX — начала XXI вв. Караганда; Минск, 2007.
5. *Зейферт Е.И.* Жанр и этническая картина мира в поэзии российских немцев второй половины XX — начала XXI вв. Лаге: BMV Verlag Robert Burau, 2009.
6. *Пошатаева А.В.* Литературы народов Севера: истоки, становление, развитие. М.: Наука, 1988.
7. *Султанов К.К.* От Дома к Миру. Этнонациональная идентичность в литературе и межкультурный диалог. М.: Наука, 2007.
8. *Султанов К.К.* Угол преломления. Литература и идентичность: коммуникативный аспект. М.: ИМЛИ РАН, 2019.
9. *Хазанкович Ю.Г.* Фольклорно-эпические традиции в прозе малочисленных народов Севера. Новосибирск: СО РАН, 2009.
10. *Аксёнова Огдо.* Признание в любви. Избранное. М.: Полиграфвидео, 1996.
11. *Аксёнова Огдо.* Бараксан. Стихи. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1973.

References

1. Amineva, V.R. 2017. Sopotavitel'noe izuchenie russkoi i tatarskoi literatur. Kazan: Redaktsionno-izdatel'skii tsentr «Shkola». Print. (In Russ.)
2. Zhuleva, A.S. 2014. "Etnologicheskii aspekt v issledovaniyakh literatur narodov Severa". In *Voprosy izucheniya istorii natsional'nykh literatur. Teoriya. Metodologiya. Sovremennye aspekty* [Questions of Studying the History of National Literatures. Theory. Methodology. Modern Aspects], edited by K.K. Sultanov. 337—366. Moscow: IMLI RAN. Print. (In Russ.)

3. Zhuleva, A.S. 2017. “Transtsendentnoe v romanakh Yuriya Rytkeu”. In *Voprosy izucheniya natsional’nykh literatur. Diskurs identichnosti v menyayushchikhsya kontekstakh* [Questions of the Study of National Literature. Discourse of Identity in Changing Contexts], edited by K.K. Sultanov. 300—319. Moscow: IMLI RAN. Print. (In Russ.)
4. Zeifert, E.I. 2007. *Zhanrovy protsessy v poezii rossiiskikh nemtsev vtoroi poloviny XX — nachala XXI vv.* Karaganda; Minsk. (In Russ.)
5. Zeifert, E.I. 2009. *Zhanr i etnicheskaya kartina mira v poezii rossiiskikh nemtsev vtoroi poloviny XX — nachala XXI vv.* Lage: BMV Verlag Robert Burau. Print. (In Russ.)
6. Poshataeva, A.V. 1988. *Literaturny narodov Severa: istoki, stanovlenie, razvitie.* Moscow: Nauka. Print. (In Russ.)
7. Sultanov, K.K. 2007. *Ot Doma k Miru. Etnonatsional’naya identichnost’ v literature i mezhkul’turny dialog.* Moscow: Nauka. Print. (In Russ.)
8. Sultanov, K.K. 2019. *Ugol prelomleniya. Literatura i identichnost’: kommunikativnyi aspekt.* Moscow: IMLI RAN. Print. (In Russ.)
9. Khazankovich, Yu.G. 2009. *Fol’klorno-epicheskie traditsii v proze malochislennykh narodov Severa.* Novosibirsk: Izd-vo SO RAN. Print. (In Russ.)
10. Aksenova, Ogdo. 1996. *Priznanie v lyubvi. Izbrannoe.* Moscow: «Poligrafvideo». Print. (In Russ.)
11. Aksenova, Ogdo. 1973. *Baraksan. Stikhi.* Krasnoyarsk: Krasnoyarskoe knizhnoe izdatel’stvo. Print. (In Russ. In Dolgan)

Сведения об авторе:

Арзамазов Алексей Андреевич — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук. E-mail: arzami@rambler.ru

Bio Notes:

Aleksei A. Arzamazov is a Doctor of Philology, Leading Researcher of the Udmurt Federal Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. E-mail: arzami@rambler.ru